
КРЕАТИВЫ МЕТАФИЗИКИ Г.В. ЛЕЙБНИЦА

В.А. Яковлев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В работе реконструируются основные содержательно-смысловые креативы учения Лейбница с позиций их значимости для современной философии и науки. Для этого в качестве ключевых концептуальных элементов анализируются и используются новые лингвистические обороты: «метафизические креативы», «исследовательские метафизические программы», «креативы метафизики».

Ключевые слова: метафизика, креативы, программы, диалектика, герменевтика, оппозиции, метод, рационализм, монада, теодицея.

Философы – это мыслители. Они называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии.

Мартин Хайдеггер

Г.В. Лейбниц (1646–1716) давно и по праву входит во все учебники по истории философии и истории науки. Ему посвящены многочисленные исследования и монографии. По его фундаментальным трудам и огромному эпистолярному наследию защищено множество кандидатских и докторских диссертаций. И, кажется, – трудно сказать что-то новое.

Но это только кажется. Поскольку, как убедительно показали герменевтики (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.Г. Гадамер), любой текст реально обладает всегда бóльшим содержанием и смыслом, чем это представлялось его автору.

Исследователь должен не просто перенестись в исторический «горизонт» авторского видения событий, а попытаться «переплавить» в единое целое свой и авторский горизонты. Гадамер убедительно показал, что смысл любого текста всегда «...превышает авторское понимание. Поэтому понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением» [1. С. 351]. Иначе говоря, любой научный текст носит «открытый» характер, а его понимание базируется на научных традициях, лингвистических нормах, профессиональной и общей культуре учёного.

Исходя из данных предпосылок, попытаемся реконструировать основные содержательно-смысловые *креативы* учения Лейбница с позиций их значимости для современной философии и науки. Для этого в качестве ключевых семантических элементов будем использовать выражения «*метафизические креативы*», «*исследовательские метафизические программы*»,

«креативы метафизики», которые были введены и подробно обсуждались нами ранее в других работах [2; 3; 4]. Поэтому подчеркнём только главные методологически важные положения.

С нашей точки зрения, всякое историко-философское исследование должно попытаться выявить креативную функцию наиболее плодотворных *метафизических принципов, или эйдосов*, для развития философии, науки и культуры в целом. Данные *принципы-эйдосы успешных исследовательских программ, доказывающих свою эффективность на протяжении длительного времени, мы называем метафизическими креативами*.

С одной стороны, такие принципы выступают как продукт имманентной креативности мироздания, а с другой – сами становятся креативами (исходными импульсами) развития человеческого духа и культуры – так называемая «филиация идей» через информационно-коммуникативную деятельность поколений.

Креативный потенциал *метафизических эйдосов-креативов* проявляется в формировании структур и проблем теоретического знания о предельных основаниях бытия природы, экзистенции субъекта и культуры. *Креативы метафизики* прослеживаются в методологическом, онтологическом, гносеологическом и аксиологическом аспектах. Подчеркнём, что эти креативы как фундаментальные информационные принципы первичны и априорны по отношению ко всем другим принципам духовной, теоретической и практической деятельности.

Метафизические креативы рационализма Лейбница, в отличие от Декарта и Спинозы, находились в основе не только его теоретических работ, но и в его организационной деятельности. Как известно, он являлся членом Лондонского Королевского общества и Парижской академии наук, активно участвовал в их работе. Философ также стал одним из главных основателей Берлинской академии наук. Он предложил Петру I, во время одной из зарубежных поездок царя, план организации в России академии наук, важные положения которого осуществились впоследствии при учреждении Санкт-Петербургской императорской академии.

Лейбниц встречался и вёл дискуссии со многими философами, учёными, политиками и известными деятелями культуры Европы того времени. Вёл активную переписку – более 15 тысяч отправленных корреспонденций, в которых излагались мысли, нередко существенно расходившиеся с основными идеями философа в его печатных работах.

Б. Рассел, считая Лейбница «одним из выдающихся умов всех времён», полагал, однако, что опубликованные философом работы в основном имели «целью заслужить одобрение государей и государыней. Следствием этого является то, что есть две системы философии, каждую из которых можно рассматривать как представляющую взгляды Лейбница: одна, которую он открыто провозглашал, была оптимистичной, ортодоксальной, фантастичной и мелкой; другая, которую постепенно извлекали из его рукописей..., была глубокой, ясной... и удивительно логичной» [5].

Философ вёл длительную и в конечном счёте безуспешную публичную полемику с известным английским философом и теологом С. Кларком, за которым стоял Ньютон, в отстаивании приоритета при разработке теории дифференциального и интегрального исчисления. Спор, ставший, по мнению некоторых исследователей, позорной страницей в истории науки, тем не менее, на наш взгляд, выявил важный *креатив личностной мотивации творческой деятельности учёного*. Кроме того, был создан прецедент так называемых параллельных открытий в науке, которых, как показало её дальнейшее развитие, становилось со временем всё больше.

В ходе полемики были выявлены и новые подходы к проблемам пространства и времени. Лейбниц, в отличие от подхода ньютоналистов, к ним как неким абсолютам выдвинул *креатив пространства-времени как субъектно-чувственной, абстрактно-теоретической и сущностно-системной организации «точек зрения» всех монад*. Хотя сами эти характеристики пространства не были достаточно проработаны, они, несомненно, оказали позитивное значение на дальнейшее развитие философских и конкретно-научных подходов к проблемам пространства и времени.

Кроме того, большую роль данный креатив сыграл и при разработке Лейбницем его методологических и онтологических идей. Лейбниц, по его признанию, гордился тем, что разработал несколько «идей истинной философии», хотя, к сожалению, его столетие «ещё не способно их понять».

В целом немецкий философ продолжил линию рационализма Декарта и Спинозы, выдвинув в то же время принципиально *новые креативы* по всем основным направлениям философских исследований. Можно согласиться с известным историком философии и науки В. Виндельбантом, что общая методологическая установка Лейбница – это «примирение механического и теологического мировоззрения... объединение научного и религиозного интереса эпохи...» [6].

В своей системе Лейбниц пытался синтезировать механические силы природы с её жизненными силами, целенаправленными к всеобщей гармонии Универсума. В отличие от дуалистической установки Декарта и пантеизма Спинозы, он выдвинул новые важные *креативы – субстанциального плюрализма, дискретности бесконечного континуума мироздания, его иерархической организации и одушевлённости каждого элемента, а также принципы всеобщего различия и тождества вещей*.

К этим методологическим постулатам Лейбниц, как и все другие рационалисты, приходит через идею априорного существования логико-математических структур. Учение о дифференциалах стало математическим прообразом теории философа о дискретности монад и континуальности Универсума. В дальнейшем достаточно много приложений в науке нашёл также выдвинутый философом *креативный принцип «минимума-максимума»*, ориентирующий на получение максимального результата деятельности при минимуме используемых средств. Этот принцип рационализировал на новом этапе истории известную средневековую метафору –

«бритву» У. Оккама. Относительно научного подхода к объяснению мира принцип инициировал учёных к открытию минимума фундаментальных законов при максимуме дедуцируемых из них следствий.

В ходе поиска конечных оснований механицизма Лейбниц, по его собственному признанию, «с удивлением увидел, что в сфере математики отыскать их невозможно и надлежит обратиться к метафизике» [7. С. 531]. В то же время стремление к *математизации всего человеческого знания через построение универсального философского исчисления и языка* с целью разрешения сложных спорных проблем («давайте посчитаем!») стало направляющим *методологическим креативом* как философского учения самого Лейбница, так и развития теоретического естествознания – первым шагом к формированию информационной парадигмы бытия [8]. Философ предвосхитил в своих идеях математизацию естественных наук и аксиоматико-дедуктивную форму их построения.

Известно, что Лейбниц мечтал о создании универсальной, или всеобщей, науки (*Scientia generalis*), под которой он понимал рациональное обобщение различных способов открытия и доказательства всех знаний. Иначе говоря, универсальная наука должна включать теорию открытия (комбинаторику) и теорию доказательства (аналитику).

В этой связи философ признаёт априорность фундаментальных истин разума. Лейбниц, с одной стороны, противостоит известному эмпиристскому положению Дж. Локка «В разуме нет ничего, чего прежде не было бы в чувствах». Лейбниц уточняет: «за исключением самого разума». Таким образом, немецкий философ верно подмечает, что, признавая происхождение некоторых идей не из ощущений, а из рефлексии, Локк имплицитно вводит понятие врождённого знания простых идей самого мышления, воли, эмоций и даже таких сложных, как субстанция, модусы, отношения. С другой стороны, Лейбниц развивает декартовскую идею диспозиционности (предрасположенности) врождённых истин, актуализация которых требует творческих усилий разума.

Доопытное (априорное) знание не дано в сознании в явном виде, то есть вечные законы разума нельзя прочесть подобно тому, как «читается закон претора на его таблице». Напротив, «врожденно то, что можно назвать потенциальным знанием, подобно тому как фигура, намеченная прожилками мрамора, заключается в мраморе задолго до того, как их открывают при обработке его» [9]. Скульптору (учёному) необходимо уметь «отсесть всё лишнее», а мрамор (эмпирическая субстанция), что всем известно, с большим трудом поддаётся обработке (освобождению от истин фактов).

Познание вечных истин, по Лейбницу, отличает человека от животных, которые являются чистыми эмпириками, и доказывает, что человек обладает разумом (разумной душой, или духом) и может развивать науки. Сам процесс познания человеком самого себя, то есть того, что называется «Я», есть *рефлексивный акт*, из которого проистекают основные данные для после-

дующих логических рассуждений, и выступает в качестве *креативного механизма выявления вечных истин*.

Такое рефлексивное самоуглубление философ называет апперцепцией. Механизм апперцепции выражает творческую суть процесса познания, позволяя, как и интеллектуальная интуиция Декарта, вывести онтологию из логики, сущностные свойства исследуемого объекта из мышления (*cogito*) субъекта. Лейбниц отчётливо формулирует основной постулат панлогизма: «Мысля о себе, мы мыслим также и о бытии, о субстанции... о невещественном и о самом Боге» [7. С. 418].

В то же время Лейбниц не принимает «ясность и отчётливость» картезианской интеллектуальной интуиции в качестве критериев выявления вечных истин. Для него такими критериями становятся законы формальной логики Аристотеля. Так, закон «противоречия, или тождества» априори постулирующий, что суждение не может быть одновременно истинным и ложным, является наиболее общей формулой «истин разума». В отличие от них «истины факта» типа «сегодня идёт дождь», «солнце завтра взойдёт» и т.п. не есть самодостовверные, поскольку в отношении них необходимо непосредственное наблюдение реальных вещей и событий сообразно их повторяемости в природе. Но мысленно при этом всегда можно представить и нечто противоположное, что исключено для вечных истин разума.

Лейбниц дополняет систему формальной логики Аристотеля *креативом закона достаточного основания (обоснования)*, «работающим» в сферах методологии, онтологии и гносеологии.

В методологическом плане закон постулирует, что всё реально существующее и происходящее имеет какую-то причину, или определённое основание. В гносеологии данная установка реализуется в формулировке, которую нередко называют законом достаточного обоснования, поскольку убедительность любого суждения зависит от степени его обоснованности истинами факта и логики. Все явления и все виды утверждений действительны, истинны и справедливы лишь ввиду достаточности их оснований, хотя сами основания могут быть до определённого времени и неизвестны.

Особенно важную роль этот закон играет в сфере онтологии, поскольку, по мысли Лейбница, он позволяет ответить на извечный философский вопрос: «Почему существует нечто, а не ничто, ибо ничто более просто и более легко, чем нечто?» [7. С. 408].

Как известно, в XX в. Мартин Хайдеггер реконструирует этот вопрос следующим образом: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?». Согласно философу, этот вопрос является самым глубоким и самым изначальным для философии. Хайдеггер пишет: «Означенный нами как первый по чину вопрос “Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?” есть в связи с этим основной вопрос метафизики. Метафизика принята в качестве наименования для определяющего средоточия и сердцевины всей философии» [10].

Однако Лейбниц даёт свой ответ в двух вариантах. В первом философ выдвигает *креатив гипотетической необходимости* как непосредственно очевидной обусловленности появления и существования тех или иных вещей и событий в зависимости от уже существующих, а также происходивших ранее. Существующее, по Лейбницу, это – бытие, которое совместимо с наибольшим числом вещей.

Однако такой подход не снимает вопроса о бытии в целом, и поэтому Лейбниц выдвигает *креатив абсолютной необходимости* («*метафизического совершенства*»), задаваемой в сущностном плане божественным провидением, а в феноменологическом – логическими или геометрическими принципами, исключающими возможность самопротиворечивого существования. Физическое тело, например, в принципе не может иметь больше или меньше трёх измерений. Открывая эти вечные истины разума, мы убеждаемся, что противоположное им просто исключено. В то же время достаточное основание должно быть также и для истин факта, хотя его и трудно порой обнаружить ввиду «беспредельного многообразия и безмерного разнообразия вещей в природе».

Во втором варианте ответа разрабатывается план абсолютной необходимости существования нашего мира. Философ выдвигает *онтологический креатив субстанции как иерархической и гармонизированной организации монад (исходных элементов), обладающих активной витальной силой*. «Субстанция, – пишет Лейбниц, – есть существо, способное к действию» [7. С. 404]. А сама монада «есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в число сложных: простая, значит, не имеющая частей» [7. С. 413]. Монады не протяжённые, не обладают делимостью, не имеют фигуры. Они «суть истинные атомы природы», «энтелехии», рождённые вместе с актом творения, что, очевидно, принципиально расходится с пониманием атомов Демокритом и Эпикуром.

Монады не могут погибнуть и не могут образовываться путём сложения чего-либо. Изменение монад происходит вследствие их внутренней активности (стремления к изменению), тогда как ни одна внешняя причина не может влиять на монаду. Как энтелехии монады обладают известным самосовершенством и «самодавлением» – источником их внутренних действий.

Жизненная сила привносится в мир Богом и является главным атрибутом монад. Эта сила (энергия) может перераспределяться между монадами, но её общий потенциал остаётся неизменным. Лейбниц пишет: «Постоянно существует одна и та же сила, энергия, и она переходит лишь от одной части материи к другой» [7. С. 430]. Опираясь на этот метафизический *креатив сохранения энергии монад*, Лейбниц вносит важную поправку в декартову формулировку закона сохранения количества движения.

Известный философ и историк науки И.Б. Погребысский в данной связи справедливо пишет, что с позиций современной науки это означало: «силы относятся как произведения их масс тел на квадраты скоростей... а не на первые степени скоростей, как утверждал Декарт» [11]. Фактически Лейб-

ниц вводит понятие кинетической энергии в качестве меры движения и создаёт основу для формулирования *креатива закона сохранения в механике – сохранения энергии при взаимодействии сил*.

Отметим, что, «подправляя» Декарта, Лейбниц в то же время солидаризируется с картезианцами в их критике «непонятных центростремительных сил» и «непосредственного притяжения на расстоянии» физики Ньютона. Немецкий философ считает эти силы «отголосками» тех бесчисленных сил и способностей, которые выдвигались средневековыми схоластами.

Монады образуют пирамиду. В её фундаменте лежат бесчисленные «единства спящих монад», не обладающих ясно выраженными перцепциями. Животные души-монады уже активны и обладают такими психическими способностями, как память, воображение и зачатками разума. Согласно Лейбницу, всякое живое существо есть божественная машина. Декарт не понял отличия естественного автомата (машины), состоящего из живых монад, от искусственного, созданного человеком. Взаимосвязь и взаимоотражаемость всех монад мироздания философ образно представляет как «сад, полный растений, и пруд, полный рыб». При этом полагается, что каждая ветвь растений и каждый член животного «есть опять такой же сад или такой же пруд».

Надмировой Разум, или Бог как монада всех монад, вершина их пирамиды, последняя причина всех вещей направляет и гармонизирует перераспределение сил между монадами. Все свои совершенства, как считает Лейбниц, тварные вещи имеют от воздействия Бога, а несовершенства – от своей собственной природы. В Боге заключается источник не только существования вещей, но также их сущностей. Любое их даже самое незначительное изменение имеет определённую причину, поскольку «Бог ничего не делает без основания». Лейбниц обобщает эти изменения в *креативе постепенности и непрерывности изменения бытия*.

Философ отвергает существование в мире «пустых промежутков», которые заставляли бы людей при объяснении происходящих в мире событий прибегать к понятиям чудес или чистых случайностей. Настоящее, согласно Лейбницу, проистекает из непосредственно предшествующего ему прошлого и уже имеет в себе зародыш будущего – «настоящее чреватое будущим». Бог как основание всякой сущности и существования определяет направление всего процесса к наилучшему устройству – «всевозможной благодати». Бог открыт разуму людей, а человеческие души-монады (духи) бессмертны и являются «гражданами Града Божия».

Современные космологи не используют ключевое понятие Лейбница – монады. Однако, выдвигая антропный принцип (и в сильном, и в слабом вариантах), они, по сути, переформулируют лейбницеvский *креатив о ничто и нечто* – почему существует именно этот мир, который мы наблюдаем и изучаем, не случаен ли он в принципе, так как логически возможны другие существенно отличные миры?

В новой философской энциклопедии в специальной статье – «Ничто» – ставится тот же вопрос Лейбница и рассматриваются различные историко-философские теории его решения.

В последнее время известный отечественный философ А.С. Карпенко опубликовал серию статей [12–14]. Автор подробно анализирует современные западные концепции, пытающиеся решить проблему Лейбница с опорой на современную астрофизику и математику. Речь идёт прежде всего о так называемой теории модального реализма, в которой, в отличие от теории Лейбница, все возможные миры являются действительными. А.С. Карпенко считает, что в случае принятия научным сообществом этой теории основным вопросом метафизики будет не вопрос: «Почему вообще нечто существует?», а вопрос: «Почему нечто возможное вообще не существует?».

Другой важный *онтологический креатив* был выдвинут Лейбницем на основе открытий Левенгуком и другими микробиологами того времени с помощью микроскопа мельчайших живых существ. Лейбниц формулирует метафизический *креатив неуничтожимости жизни и её целесообразности*. Это не означало признания возможности самозарождения жизни или идеи метемпсихоза, поскольку, по мнению философа, у животных бывают не метемпсихозы, а метаморфозы. Лейбниц через данный креатив объяснял вектор направленного развития целостного континуума монад-душ к совершенной гармонии мироздания, их активного начала при организации новых физических и биологических тел, когда старая вещная оболочка умирает.

На наш взгляд, сформулированный Лейбницем данный метафизический креатив стал важным отправным пунктом для развития в XX в. К.Э. Циолковским и В.И. Вернадским идей о жизни, совечной материи, жизненных (одушевлённых) атомах, ноосфере и др.

С точки зрения Лейбница, окончательной смерти, как, впрочем, и абсолютно нового рождения, не бывает никогда. Монады-души побуждают к существованию всё новые виды живых организмов. Например, естественная смерть гусеницы означает рождение бабочки. Причём животные тела действуют так, как будто бы не было никаких душ, а души действуют так, как будто бы не было никаких тел.

В то же время в силу предустановленной гармонии между физическим «царством природы и государством душ» тела и души действуют таким образом, как будто бы те и другие влияют друг на друга. В «Монадологии» Лейбниц пишет: «Души действуют согласно законам конечных причин, действующих (производящих) или движений» [7. С. 451].

Но в отличие от обыкновенных душ духи-монады, присущие только людям, отображают как мир творений, так и образ самого божества. Они способны подражать Богу в своей творческой активности, познавать устройство Вселенной, и поэтому всякий дух «есть как бы малое божество».

Из этого пассажа становится понятно, почему Лейбниц отрицательно относился к философской системе Спинозы, с которым он вёл какое-то время переписку и даже беседовал во время встречи в Гааге. «Во время моего

путешествия, – пишет в одном письме Лейбниц, – я виделся со Спинозой и несколько раз подолгу беседовал с ним. У него странная метафизика, полная парадоксов» (цит. по: [15. С. 104]).

Немецкий философ имел прежде всего в виду, что отрицание Спинозой, так же как и его учителем Ванини, бессмертия душ бессмысленно и делается лишь в силу честолюбия, чтобы обессмертить своё имя. Опуская комментарии, согласимся с оценкой К. Фишера: «В данном случае Лейбниц вдвойне не прав, объясняя неверный факт неверным мотивом» [15. С. 105].

Систематизируя *онтологические креативы* учения Лейбница, можно диалектически представить их как три пары взаимодополнительных оппозиций, в горизонте которых и движется мысль философа.

Первая пара – это, с одной стороны, самодостаточная целостность и замкнутость в себе всех монад («не имеют окон»), а с другой – структурная и функциональная тождественность каждой монады («живого зеркала Универсума») всему макрокосмосу. Своеобразный принцип фрактальности, выдвинутый ещё Анаксагором («всё – во всём»).

Вторая пара оппозиций выражает идею диалектической взаимосвязи сепарабельности (атомарности) отдельных монад («зеркал») с непрерывностью (континуумом) всего мироздания.

Через третью пару монад: духовная сущность монад – их физическая реальность, а также четвёртую: творения Бога – самоорганизация и активность, объясняется телеологический вектор гармонизации мироздания.

На наш взгляд, Лейбниц не просто восстанавливает статус диалектики (с этим согласны все исследователи его творчества), но делает принципиально новый шаг в её осмыслении в качестве культурной универсалии. Это – не «грубая» диалектика Гераклита, не субъективная диалектика Сократа и Платона, не диалектика математических сопоставлений Кузанца и Бруно, ни тем более триадическая диалектика Гегеля. Лейбниц подходит к диалектике с герменевтических позиций.

Хотя слово «герменевтика» не встречается, насколько нам известно, в его трудах, но, тем не менее, в метафизике *онтологических креативов* проявляется суть герменевтического метода. Диалектика бинарных оппозиций раскрывается в постоянном движении мысли с целью разрешения противоречия между частью и целым, частным и общим, второстепенным и главным. Подходя к тексту Лейбница с определённым исторически нагруженным предпониманием его в целом, мы как интерпретаторы уточняем его составные части и в результате глубже осознаём целое. На этой основе углубляется понимание составных частей текста и мы вновь стремимся охватить его как целое.

Такая постоянная миграция от предпонимания к знанию конкретного, от предпонимания к предобъяснению, от предобъяснения к пониманию, от понимания к объяснению, от объяснения к знанию происходит в режиме вопрошания, то есть постановки всё новых и новых вопросов к объекту исследования.

Только таким образом возможно «вычерпать» потаённое содержание текста, о котором, возможно, не подозревал и сам автор. Герменевтический опыт – это умножение наблюдений и «набрасывание» смысла на текст, исходя из контекста и «культурной памяти». Вот почему, согласно Гадамеру, вопрос важнее ответа, а любой текст приобретает «инаковость» при его прочтении. Задавая вопрос тексту, мы тем самым критически проверяем своё предпонимание его как целого.

Понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением. Главная мысль состоит в том, что любое понимание возможно лишь при условии выделения определенных бинарных оппозиций, «координат», «горизонтов», в рамках которых и постигается объект. Для этого становится необходимым проведение так называемого ситуационного анализа, когда объект рассматривается поочередно в различных контекстах, и мышление как бы постоянно совершает «челночное» движение от объекта к одному «горизонту», от него к другому и снова к объекту. Поэтому Ж.П. Сартр разработал и назвал такой метод прогрессивно-регрессивным, или конструктивно-деструктивным [16].

С позиций современной науки креативы данных оппозиций лежат в основе таких важных принципов, как корпускулярно-волновой дуализм, фрактальность, синергичность, телеономия, антропный принцип и др.

Очевидно, что вопрос о том, каким образом метафизические креативы трансформировались в фундаментальные принципы конкретных наук, требует отдельного рассмотрения. Здесь же важно подчеркнуть открытие Лейбницем их диалектической взаимосвязи в рамках бинарных оппозиций, знаменующих новые когнитивные ценности критического рационализма европейской культуры.

Исходные методологические принципы философии Лейбница, как уже было сказано выше, тесно связаны с креативами его гносеологии («Новые опыты о человеческом разумении») и теологии («Теодицея»). Если в методологии и гносеологии философ продолжает творческое развитие идей рационализма, то в теологических рассуждениях он систематизирует и обобщает уже известные доказательства существования Бога.

Бытие Бога определяется философом как вечная истина, выражающая абсолютную необходимость существования мироздания. Именно Бог творит монады и гармонизирует их взаимодействие друг с другом в направлении достижения совершенного мироздания. Бог обладает безусловной свободой воли, а значит, мог в принципе создать и любой другой мир. Наш мир, в пользу которого сделал свой выбор Бог, является наилучшим по определению. Оптимизм Лейбница преодолевает все мыслимые границы в его известном афоризме: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров».

Немецкий философ соглашается с Ф. Аквинским – Бог может создать всё, что не противоречит законам логики и математики. Иначе говоря, выбор всемогущего Бога всё же ограничен горизонтом вечных истин. Лишь истины факта зависят от воли Бога, тогда как вечные истины есть внутренний плод

его ума. Мир, который создал Бог, сочетает целесообразность и гармонию, но в нём также много и зла, которое, казалось бы, противоречит таким определениям Бога, как всеблагой и всесовершенный.

Для того чтобы разрешить это противоречие, Лейбниц пишет специальную работу, название которой – «Теодицея» – стало синонимом теологической апологетики Бога в отношении существования зла. В этом трактате Лейбниц, как уже было сказано, обобщает, систематизирует и развивает доказательства существования Бога, многие из которых были известны уже со времён Античности.

Онтологическое доказательство, выраженное в наиболее отчётливой форме Ансельмом Кентерберийским в XII в., основывается на понимании Бога как всесовершеннейшего существа, которое по необходимости должно включать атрибут существования, ибо в противном случае можно было бы помыслить нечто более совершенное, что является внутренне противоречивым. Лейбниц пытается дополнить это доказательство, исходя из своей идеи логической возможности существования разных миров, а значит, и существования Бога, который сделал выбор в пользу именно нашего мира.

Кроме того, каким бы большим ни был наш мир, он конечен и имеет свои пределы. Следовательно, априори, по Лейбницу, можно утверждать о существовании бесконечного, беспредельного, внемирового существования Бога, который есть первичное существо, или исходная неделимая субстанция.

Идущее от Аристотеля космологическое доказательство существования Бога как первотолчка, первопричины и неподвижного движителя Вселенной Лейбниц подкрепляет законом достаточного основания. По его мысли, само по себе мироздание не может обосновать своё существование. Это обоснование должно находиться вне его – то есть в Боге.

Существование Бога философ доказывает также с помощью аргумента от вечной истины. Доказательство состоит в том, что если истины вообще являются составляющими содержания душ, то все вечные истины в форме мыслей должны принадлежать лишь вечной душе – Богу. Данный аргумент соотносится с более общим гносеологическим постулатом об исторической ограниченности человеческого познания, когда, «обладая столь малым опытом, мы осмеливаемся судить о бесконечном и вечном» [7. С. 104]. Человек не должен ставить себя в центр мироздания, поскольку это – прерогатива Бога, с позиций которого то, что человек считает злом, может в общем плане Универсума не быть таковым – «наилучший выбор не всегда сопряжён с устранением зла, ибо возможно, что зло сопровождается наибольшим добром» [7. С. 287].

Если мир действительно состоит из самодостаточных замкнутых на себя монад, каждая из которых в то же время является зеркалом Вселенной, то, чтобы мир не впал в хаос, необходим Вседержитель, устанавливающий гармонию сотворённого им мира. Но это не значит, что мир актуально совершенен, ведь в таком случае он воспроизводил бы и воплощал бы в себе сво-

его творца. Кроме того, мир не есть нечто застывшее и неизменное. Он, напротив, находится в постоянном развитии, в динамике совершенствования, а следовательно, перманентного убывания зла. Природа и люди, пребывающие в постоянном противостоянии добра и зла, лишь постепенно избавляются от страданий и совершенствуются в испытаниях. Лейбниц пишет: «Брошенное в землю зерно страдает, прежде чем произвести плод. И можно утверждать, что бедствия, тягостные времена в конечном счёте благотворительны, поскольку они суть кратчайшие пути к совершенству» [7. С. 402–403].

Наряду с метафизическим злом существует зло, идущее от греховности человека. Это – моральное зло, и ответственность за него несут сами люди, используя во вред свою свободу воли, которой наделил их Бог. Всевышний мог сотворить мир без зла, но тогда в нём не было бы свободы, а значит, этот мир был бы менее совершенен в плане разнообразия возможностей выбора по сравнению с существующим миром. Бог, по Лейбницу, предвидел, что Адам съест запретное яблоко с дерева познания и что этот грех повлечёт за собой наказание. Но и для Бога существует логическое ограничение – невозможно создать мир без греха и в то же время наделить человека свободой воли. Ведь в безгреховном мире человек был бы предопределён, что бы он ни пытался сделать, творить только добро. Свобода воли является сама по себе величайшим абсолютным благом, тогда как зло в конечном счёте относительно, его существенно меньше, чем добра, и оно лишь оттеняет добро.

Хотя воля человека тоже подчиняется закону достаточного основания, но человек, тем не менее, не фатально предопределён в своих действиях, к чему склонялся в «Этике» Спиноза, а всегда имеет возможность определённого выбора. В целом человеческое бытие определяется красотой и совершенством божественного творения, а в мире «совершается известный непрерывный и свободный прогресс, который всё больше продвигает культуру» [7. С. 289]. Локально могут происходить крушения цивилизаций, попятные движения культуры к одичанию и варварству, но это тоже лишь составные эпизоды в общем плане Бога по сотворению совершенного мира.

В отношении каждого отдельного человека телеологическая идея лучшего из миров трансформируется в проблему его личностного морального выбора и этику его поведения. Теодицея как теория должна способствовать гармонизации души человека, совершенствованию его психики. Нравственным императивом Лейбниц считает непримиримую борьбу человека со злом, в которой теологическое учение способствует укреплению его морального духа, стойкости в преодолении жизненных невзгод, бед и несчастий. Теодицея внушает жизненный оптимизм, поскольку раскрывает причастность человека к гармонии и порядку Универсума в качестве его неотъемлемого и необходимого элемента.

Свобода воли человека возвышает его над другими монадами Вселенной. Бог создал человека как сознательное разумное существо, способное выбирать между добром и злом, лучшим и худшим. Лейбниц пишет: «Все действия Бога спонтанны. Несомненно, что каждому человеку присуща сво-

бода совершения любого поступка, то есть того, что он сочтёт наилучшим» [7. С. 307]. Философ понимает, что проблема свободы воли тесно связана в метафизическом плане с решением общих онтологических вопросов о соотношении необходимости и случайности, возможности и действительности: «С древнейших времён человеческий разум мучается над тем, как можно совместить свободу и случайность с цепью причинной зависимости и провидением» [7. С. 312].

Именно сам разум, по Лейбницу, оказывается воплощением свободы человека – сознательно следовать ему это и означает «быть наиболее свободным», поскольку разум есть сосредоточение вечных истин.

В свете проведённого анализа учения Лейбница о свободе воли трудно согласиться с В.В. Соколовым, когда он утверждает: «Подобно Гоббсу и Спинозе Лейбниц отказался от понятия свободной воли. Понятие это так же несостоятельно, как и понятие чуда, поскольку оба они противопоставляются любой детерминации... Человеческая воля всегда детерминирована как внешними, так и внутренними причинами. Поэтому совершенно невозможна свободная воля, но возможна *свобода*» [17. С. 398]

Непонятно, что уважаемый автор подразумевает под внутренними причинами. Ведь Лейбниц не обсуждает взаимосвязь телесного и духовного, так как, в отличие от Декарта и Спинозы, он представляет мир в качестве совокупности монад, сущностью которых является их одухотворённость. И Лейбниц отнюдь не считает, что человек – «раб своих аффектов» (Спиноза). В то же время он соглашается с мыслью о важности их осмысления при объяснении мотивов человеческого поведения, имея в виду, что разум может преодолеть любые страсти.

Проблематично также и утверждение о возможности свободы при невозможности свободной воли. Сам В.В. Соколов признаёт: «Все монады в принципе развивают самопроизвольную деятельность, несмотря на всю их “запрограммированность” в силу предустановленной гармонии. Но только у «духов» (то есть людей, обладающих душой, разумом и самосознанием. – В.Я.) как высших монад эта самопроизвольность становится *свободой*. Она неотрывна от их способности трансформации перцепций в апперцепции» [17. С. 399].

Но разве это не означает, что только сам разум человека детерминирует его в совершении тех или иных действий. По моему мнению, свобода воли в учении Лейбница совпадает с понятием разумности человека, а общая направленность разума к добру, благу и есть движение к наибольшей свободе.

Вознаграждением для человека, выбравшего путь добра и самосовершенствования, является, по Лейбницу, блаженство, которое ожидает его не только после смерти, но и при жизни в той мере, в какой человек осознаёт предустановленность гармонии мироздания и свой личный вклад в эту гармонию. Грехи должны быть наказаны уже в силу самого «механического строя вещей», который определяет также и вознаграждение за добрые деяния. Человеку необходимо стремиться подражать Богу, творцу всякого бла-

га, что и составляет цель и счастье человеческой жизни. Волевые решения человека, таким образом, свободны, но не безосновательны. «Моральная необходимость» реализуется человеком через его добровольный выбор тех или иных действий, но которые в своей целостности должны определять его путь к добру и самосовершенству.

Анализируя этико-религиозные взгляды Лейбница, важно подчеркнуть, что, несмотря на общую теологическую установку на доказательство существования Бога и его оправдания в связи с наличием зла, философ формулирует *креатив личностной свободы и самосовершенствования каждого человека* как необходимое условие непрерывного роста культурного потенциала и прогрессивного развития всего человеческого общества.

В целом можно сказать, что философия Лейбница довольно непоследовательна, как справедливо отмечают многие исследователи. Так, по мнению В.В. Васильева, «говорить о системе Лейбница можно лишь с большими оговорками. Скорее это россыпи идей, причём обращает на себя внимание контраст между экстравагантностью ряда его теоретических построений и строгой научной методологией» [18. С. 333].

В то же время нельзя не согласиться с Н.В. Мотрошиловой: «Мужество, интеллектуальная дерзость Лейбница-философа состояли в том, что он стал создавать динамическую, наполненную “живыми силами” картину мира... выстраивая *метафизическую гипотезу*, которую последующее развитие человеческой мысли... резонно квалифицирует как одну из самых серьёзных «научных программ» XVII–XVIII вв.» [19. С. 196].

Известно, что учение немецкого мыслителя оказало большое влияние на последующее развитие философии и науки. Лейбниц стоял у истоков математической логики. В XX в. его теория о логически возможных других мирах нашла своё отражение в математически выверенных космологических гипотезах «параллельных миров», «ветвящейся Вселенной», «Мультиверса», «инфляционной Вселенной» и др. Лейбницу принадлежит известное классификационно-терминологическое различие материализма и идеализма. Но, пожалуй, его главный *креатив* – это нововременная *герменевтическая диалектика оппозиций*, ставшая основой диалектики XX–XXI вв.

*Какой же Лейбниц – настоящий?
«Всё к лучшему в сем лучшем из миров».
Иль тот, кто, методом разящий,
Математически суров?*

*Монады – духи – Вседержитель
Творят благое в мире и окрест.
Земля – не рай, но и не зла обитель
Путь выбрал и неси свой крест.*

*Свобода воли, как жар-птица,
Ум озарит гармонией стиха.
Рай на Земле не воцарится,
Но поубавится греха.*

*Философа стремленья пылки.
Таит сонм вечных истин его речь,
«Как мрамор статуи прожилки».
...Лишь надо лишнее отсечь.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М., 1988.
2. Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 44–54.
3. Яковлев В.А. Креативы и догмативы метафизики. Средневековье. Возрождение. Новое время – Информационная матрица современной науки. – Palmarium Academic Publishing, 2015. – 271 с.
4. Яковлев В.А. Креативы метафизических программ // Метафизика. – 2016. – № 2. – С. 10–25.
5. Рассел Б. История западной философии: в 2 т. – Т. II. – М., 1993. – С. 98.
6. Виндельбанд В. История философии. – М., 1997. – С. 354.
7. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. – М., 1982–1989. – Т. 1.
8. Яковлев В.А. Информационная парадигма бытия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2016. – № 2. – С. 59–73.
9. Лейбниц Г.В. Сочинения: в. 4 т. – Т. 2. – М., 1983. – С. 88.
10. Хайдеггер М. Введение в метафизику. – СПб., 1997. – С. 101.
11. Погребыский И.Б. Лейбниц и классическая механика // У истоков классической науки. – М., 1968. С. 148.
12. Карпенко А.С. Основной вопрос метафизики // Философский журнал. – 2014. – № 2 (13).
13. Карпенко А.С. Философский принцип полноты. Ч. I–II // Вопр. философии. – 2013. – № 6. – С. 58–70; № 7. – С. 95–108.
14. Карпенко А.С. Философский принцип полноты. Ч. I–II // Философия и культура. – 2013. – № 11. – С. 1508–1522; № 12. – С. 1660–1679.
15. Фишер К. История новой философии: Бенедикт Спиноза. – М., 2005.
16. Сартр Ж.П. Проблема метода. – М., 1994.
17. Соколов В.В. Европейская философия XV–XVII вв. – М., 1984.
18. История философии: учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. – М.: Академический Проект, 2005.
19. История философии: Запад – Россия – Восток (книга вторая: Философия XV–XIX вв.). – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1996.

CREATIVES OF G.W. LEIBNIZ'S METAPHYSICS

V.A. Yakovlev

This work reconstructs the main meaningful creatives of Leibniz's teaching from the standpoint of their significance for modern philosophy and science. To this end, new linguistic phrases such as "metaphysical creatives," "metaphysical research programs," and "creatives of metaphysics" are analyzed and used as key conceptual elements.

Key words: metaphysics, creatives, programs, dialectics, hermeneutics, oppositions, methods, rationalism, monad, theodicy.